

Владимир Крюков

Белый свет

Стихотворения

БЕЛЫЙ СВЕТ

Владимир Михайлович Крюков родился на севере Томской области. В 1973 году окончил Томский государственный университет. Был учителем-словесником в деревенской школе, работал в школе колонии строгого режима, в газете Западно-Сибирского речного пароходства.

Соредактор журнала томских писателей «Начало века».

Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы «Жизнь пунктиром», «Мальчик и другие истории», книги воспоминаний «Заметки о нашем времени».

Живет в селе Тимирязевском под Томском.

Владимир Крюков

Белый свет

* * *

Снега упадут, а потом лежат.
Сосны стоят, будто их сторожат.
Дни коротки, а морозы злы,
растёт в поддувале запас золы.
И сколько быть морозам — Бог весть...
Вспомнит Господь, что я где-то есть.
Пошлёт ангела навестить меня,
тот опустится на исходе дня
ниже крон сосновых в моём бору
в инее, приближенном к серебру.
Он найдёт мой дом, подлетит к окну,
не нарушит белую тишину.
Он увидит стол, он увидит печь
и меня, присевшего её разжечь.
Вот я подкладываю дрова,
вот пишу за столом слова.
Раз трещат поленья — тепло в доме,
так он скажет Господу моему,
скажет, видел огонь на бересте,
скажет, видел знаки на белом листе.
И кивнет Господь на слова его:
значит, ладно всё, значит, ничего.
Ветер, что слетит к сосняку,
принесёт божественную строку.

**СТАТЬ
ЛИСТВОЙ**

* * *

В промытом небе — хлопья пены,
День свеж и юн.
Смотри, как необыкновенно
Вступил июнь.

Мир возвратился обновлённым
Из зимних снов.
Я в голубое и зелёное
Раскрыл окно.

Чтобы на чистый лист бумаги
Взошли слова,
Как на припёке и в овраге
Взошла трава.

Но лист уже в союзе с ветром —
Он сам не свой,
Ему так хочется на ветку
И — стать листвою!

* * *

Признавая во мне властелина,
лето под ноги травы стелило,
чтобы этакий князь
всё бы тёплый прихлёбывал ветер,
зверобой и душицу приметил
и сорвал, наклонясь.
Но под небом с его облаками,
обхвативши колени руками,
мне привычней сидеть,
потому что я данник твой, лето,
потому что от многого света
я не знаю, куда себя деть.

* * *

На сцене нашего клуба моя молодая мама
играла Татьяну Ларину, но я был настолько мал,
что ничего не помню. Правильней — очень мало.
Но я запомнил главное: как аплодировал зал.

Потом мне мама читала про леса убор багряный,
про то, как выюга ярилась, не далее как вечер.
И, что она, как у Пушкина, тоже звалась Татьяной,
тогда почему-то трогало, трогает до сих пор.

* * *

В позднем рассвете зимнем
Он убирает снег,
Пётр Илларионович —
Утренний человек.

Вечны и неизменны
Эти его дела.
Что не возьмёт лопата,
То доберёт метла.

Так старики надёжно
И широко гребли
Будто им обещали
Сотни, а не рубли.

Так уж они умели
Тропы свои торить,
И усы утирая,
Много не говорить.

Как-то и он при встрече
Посреди холодов
Молвил: «А мне сегодня
Восемьдесят годов».

«Что же, Илларионыч,
Крепок ты, жить да жить!».
Высморкался, ответил:
«Это, брат, не скажи».

Видимо, есть такое
Чувство у мужиков:
Через четыре месяца
Взял да и был таков.

Я его вспоминаю,
Как выпадает снег..
Пётр Илларионович,
Дорогой человек.

* * *

Выстирал, прополоскал, повесил.
Сразу ветер набросился, весел.
Но старая бельевая прищепка
Держит футболку крепко.
Всего-то две плашки, меж них — пружина,
А как ты мне хорошо послужила.

Вот я стою под весёлым ветром,
Под небосводом выцветшим, светлым,
Впитывая и постигая кожей
День погожий. И весь мир Божий.
В этом пространстве, окутанном тайной,
Кто я? Счастливец и гость случайный.

Жизнь вообще ко мне благосклонна
Вчера, сегодня, во время оно.
И, заслонившись от солнца рукою,
Вдруг понимаю что-то такое
Про то, что здесь и уже за спиною,
Про то, что есть, что будет со мною.

* * *

Облака средь бела дня
В небе синем и высоком,
Посмотрите на меня
Мимоходом. Ненароком.

Ты, чьё имя непокой
В этом мире триедином —
Ветер, лёгкою рукой
Прикоснись к моим сединам.

И обласкан, и согрет,
И в который раз отмечен.
Бог мой, что я дам в ответ?
Мне тебе ответить нечем.

Но дотронувшись лучом,
Исцелив ночной прохладой,
Ты не просишь ни о чём,
Будто так оно и надо.

ПАМЯТИ НАТАШИ

* * *

Порою летней, тёмною ночью
Бабочки баловали с огнём,
Впрочем, без риска погибнуть в нём —
Был он беспечен, но беспорочен.

Мы сидели почти без слов,
Только чувствовали, ощущали,
Как в безбрежности, за плечами
Лето, потягиваясь, росло.

Мы отсыпаться шли на рассвете,
И в даль другую издалека
Летели легкие облака,
И наши волосы трогал ветер.

И казалось мне: все нипочём,
Если держимся мы друг друга,
И струился желтым ручьём
Зверобой средь зелёного луга.

1988

* * *

Назовём укрощением крови
Изнуряющие эти дни.
Страсти были с античными вровень
И шекспировским были сродни

Там, где губы мои остужала
Эта ласковая рука,
Где огнями цвела и дрожала
Ослепительная река.

Что ж, прощайся с недолгой неволей,
Забывай, если справишься, ты
Про зелёное знойное поле
И великую власть наготы.

Забывай. А потом на досуге
Вспоминай со спокойной душой.
Так в тепле о морозе да вьюге
Вспоминается хорошо.

Всё кончается. Дело не в этом.
Дело в том, что прощания час,
Озарённый трагическим светом,
Поднимал до трагедии — нас.

1997

* * *

И сердце моё потащили по рельсам.
Не нацеловался и не насмотрелся
За несколько дней и ночей.
Зачем я сейчас в этом поезде скором
С его перестуками и перебором?
А впрочем, я знаю, зачем.

Затем, что не быть мне уже беспечальным,
Затем, что тоскую о городе дальнем,
Да только туда доберусь,
Потянет меня край покинутый, милый,
И станут испытывать с прежнею силой
Тревога и чёрная грусть.

Я знаю, дорога и время не лечат..
Когда эти руки ложатся на плечи,
Я помню касанье других,
Бессильных и властных, во тьме и при свете,
И невыносимых, и лёгких, как эти,
И равно мне дорогих.

1997

* * *

Разные есть у лета цветы:
В поле, в траве, в росе.
Если к ним наклонялась ты,
Были красивы все.

Этот гулкий высокий бор
С благословенных лет
На сто раз поменял убор —
Прежнего его нет.

Мы не любили красивых слов
Типа там «тра-ла-ла».
Ты, смеясь, говорила: «любофф».
А это любовь была.

2011

* * *

*Потому что пришло время жатвы;
ибо жатва на земле созрела*

*(Откровение Святого Иоанна
Богослова. 14,15)*

Дымом ли в облака,
Мясом — в сырой песок...
Разница невелика —
Пепел иль бугорок.
Этот расклад судьбы
Нами принят вполне,
И выносить гробы
Стало привычно мне
Из обжитых углов,
Из казенных дверей.
Нет у людей слов,
Не займёшь у зверей.
Кажется, что земля
Смертью уже сыта.
О пощаде моля,
Белым болит Пьета.

Ты себя закалишь,
Не упадёшь ниц.
Видишь: пока что лишь
Небо выносит птиц.
Звоном колоколов
Не утешает слух.
Нет в языке слов,
Так он беден и сух,
Чтобы внятно назвать
Что понятно едва,
Чтобы переживать
Правоту естества.

* * *

Толе Перервенко

У художника в полуподвале
мы художественно поддавали.
И в подпитии и поддании
заклучали друг друга в объятия
в благородном порыве чистом
в подражание лицеистам.

Прежде чем оказаться в отрубе
мы выстаивали на Обрубке
в длинной очереди за алкоголем,
будто не человек, а Голем
нас испытывал на терпенье.
Слушали маты и ветра пенье.

Час проходит и новый длится.
Там под обрывом река струится,
река Ушайка... Но мы у цели —
мы получаем, чего хотели.
И поднимаем лихие тосты
на порубежии девяностых...

Пускай Ушайка — не Стикс, не Лета,
но голоса из другого света
звучат над нею, когда я мимо
сейчас иду, и со мной незримо
шагают жители иного мира,
что за Басё и за Велимира
когда-то пили. И виновато
я говорю им: привет, ребята.

* * *

Вода подо льдом,
вода взаперти,
смеркается сразу после шести,
холод в затылок.
Ах, лето прошло.
Стоит у дверей
пора уныния. Дунул Борей —
всё и застыло.

Мои облака,
мои корабли
летние, лёгкие утекли.
Но утешая,
себе говорю
у ночного окна:
гляди-ка, зато какая луна
чистая и большая.

ПРИСТАНЬ НАРЫМ

Валерию Сердюку

Ожидая катера на холодной заре,
мы ёжились, околевали,
а старухи в стороне на горе
сидели строго как в «Калевале».

За ними в светлеющем небе росли
высокие крупные ели,
и две старухи за край земли,
за край своей жизни глядели.

И мы укротили постыдный озноб,
сумели, возобладали,
и с нашими спутницами заодно
достойно и просто ждали.

Они, немую молитву творя,
и мы на брёвнах причала
вбирали всю благодать сентября,
что небо нам расточало.

И утро ровный северный свет
равно на всех проливало,
как в памятных чуть не с дошкольных лет
картинках из «Калевалы».

ВОСПОМИНАНЬЕ О КОСТРЕ

Стоял кузнечиковый треск,
Пространство стрекоза ловила.
И тут меня остановило
Воспоминанье о костре.

Я был учитель молодой,
И девятнадцатого мая *
Мы, мелкий сухостой ломая,
Костёр сложили над водой.

Летели облака, легки,
Гордился я в минуты эти,
Что здесь со мной не просто дети,
Они — мои ученики.

Огонь окреп. Ура, ура!
Захлопал красными крылами.
Незабываемое пламя
У пионерского костра!

И через много-много лет
Я снова здесь. Но вот в чём дело:
Река настолько оскудела,
Что, собственно, её и нет.

И годы не вернуть назад.
А срок прошёл такой немалый,
Что свой привычный галстук алый
Я не сумею повязать.

* День советской пионерии

* * *

С дурным настроением мне уезжалось:
Меня заполняли обида и жалость,
Дешёвая жалость к себе самому.
Твердил я: не надо прощать никому.
Не надо прощать никогда, никому!
...И плыли осины в зелёном дыму,
Дремали берёзы, морозом одеты,
И ели торчали, как рыбы скелеты,
И белые-белые длились поля,
И мне говорила родная земля
О том, что в мои настоящие годы
Пора научиться у этой природы
Спокойней и проще смотреть на людей,
Как смотрят деревья в заснеженный день.
Я ехал суровой моей стороной.
Ни слова, ни слова. Все будет со мной.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Когда озноб всю кожу обежит
И скроется у сердца, и растает,
Скажу себе: а верно, стоит жить,
Когда такая музыка блистает.
И я хочу хотя бы раз суметь
Поднять с листа строку такой чеканки,
Какую знает полковая медь,
Когда звучит «Прощание славянки».

* * *

Ледок раскалывался с тонким звоном,
И открывалась чёрная вода,
Где по своим неписанным законам
Шла рыба в наши злые невода.

Октябрьские прекрасные денёчки,
Где пар едва соскальзывает с губ.
Плыть в лодке можно лишь поодиночке,
И дед стоял на голом берегу.

Я помню этот берег, эту глину,
Прихваченную лёгким холодком,
И вкус от инея седой калины,
Оттаивающей под языком.

Дед Фёдор мне указывал с обрыва,
Куда грести, откуда выбирать.
И эта осень к нам была добра,
А жизнь казалась долгой и счастливой.

ПАМЯТИ ПСА ПАРАМОНА

Едва я утром выходил за дверь,
Меня встречал огромный чёрный пёс,
Как правило, в хорошем настроенье.
И свежий снег весёлыми следами
Отмечен был. Понятно: пёс резвился
На всю катушку. Вот бы мне бы так —
Без повода, а от избытка жизни,
От солнца, снега, дятла на сосне.
Он втягивал меня в свои забавы,
Рычал и морду пригибал к земле,
Сверкая бескорыстными глазами.
Бывало, пару раз и я подпрыгну,
Увёртываясь от его объятий.
Ну что ж, прощай, а у меня дела.
Завидую тебе, косматый дурень...

А по весне вытаивали кошки
И в той и в этой стороне двора.
Я погребал их, думая печально,
Что нет — увы — гармонии в природе,
Что доброе здоровье одного
Оплачено кончиною другого.
Мой пёс, вбирая дух сырой земли,
Не знаю, думал ли об этом тоже,
Но мне-то, мне теперь была ясна
Его небескорыстная весёлость.
Ах, боже мой, жестокая природа,
Какие б ты иллюзии дарила,
Когда б снега не таяли твои.

* * *

Горячим дыханьем КамАЗа
С дороги меня обдало.
Моргая забрызганным глазом,
Он мимо прошёл тяжело.

До смертного стука мотора,
До гроба его обрекли
Безмерные мерить просторы
Ему не родимой земли.

На трассе разбитой и длинной,
На долгом и злом сквозняке
Нет места желанной, старинной,
Любимой дорожной тоске.

Летит сиротливо-бесстрастно
В кошмарном чаду голубом,
Встречая немое пространство
Холодным обветренным лбом.

* * *

Пред нами, так сказать, земля
Лежит, раскинулась лениво
И эти жёлтые поля,
Что раньше называли нивы.

Пшеница это или рожь
И то не распознаешь даже,
И если ближе подойдёшь,
Едва ли что душа подскажет.

Но видели во мне хлеба,
Как и во всяком человеке,
Их властелина и раба —
Так было исстари, вовеки.

И в царской золотой пыли
Колосья, вписанные в святцы,
Всё наклонялись до земли
И не спешили распрямляться.

РОССИЯ

Молились старики за нас
И отмолили
Покой для сердца и для глаз —
Покой долины.
Гуляли пышные стада,
Брели калики.
Благословляли дни труда
Святые лики.
А непривязанных людей
Крутого нрава
Манили струги на воде
И мрак дубравы.
Вольно во власти куража
(Вольно, еще бы!)
Блескучим лезвием пужать
Из той чащобы.
И от разбоев и костров
Уйти в монахи.
Конечно, если не острог
И не на плахе.
Но и последний лиходея
На месте лобном
Народу в свой последний день
Кладёт поклоны.

Глядят за страшным топором,
Вздохнут: «О, Боже!»
И воздадут ему добром
И песню сложат.
Ах, надо выпить бы да спеть
Про Стеньку, что ли...

Хорь и Калиныч. Лес и Степь.
Земля и Воля.

* * *

На улице зябко и ветрено,
Но вот что может обрадовать:
Звезда над поломанной веткой,
Холодный металл ограды.

Когда же метель за порогом
Жестока необычайно,
Звук ложечки в чашке чая
Может надолго растрогать.

* * *

Из гущи света и тени,
Воды бегущей, растений,
Замираний, смятений
Вырастет пара строк.
Жизнь сквозь слезы двоится,
По-библейски троится,
Множится и струится
Мутный ее поток.

Все прекрасно, невнятно:
Эти цветные пятна,
Запах медово-мятный
Из тайника дня.
Бедный мой, безоружный,
Трепетный и жемчужный
Мир, никому не нужный
Кроме меня.

* * *

Я наклонился завязать шнурок.
Подумал: много пройдено дорог,
А, значит, много сделано ошибок.
Крепись, душа. Я плачу как ребёнок
О том, что стал не молод и не гибок,
Что долго прихожу в себя спросонок.

Я наклонился завязать шнурок.
И не спеша проделать это смог,
Пока глядел я влажными глазами
На тень свою, разорванную в клочья,
Нежданно набежавшими слезами.
Пока душа меняла оболочку.*

* Строка Арсения Тарковского.

* * *

Сосновый посёлок мой снег засыпает и тьма,
Дома его смотрят сегодня скучней и суровой.
Да впрочем, и возраст. Уходит не только здоровье.
Здоровье, конечно. И жизнь, понимаешь, сама.

Но нужно мне дров, чтобы печка согрела мой кров.
Я выйду во двор, наберу там большое беремя,
И чайник все так же пытит посреди мировых катастроф,
И точит китайский будильник сибирское время.

ОФОРТ

В паскудную хмурую рань
Под небом сырым и тяжёлым
Уже не деревья, а рвань
В раздумье стоят невесёлом.

В кирзовых иду сапогах,
Швыряю ошмётками грязи...
Кого ты взялась запугать
Набором своих безобразий?!

Люблю тебя, родина-мать,
Любовью такой неминуемой,
Что надо ее принимать,
Как намертво выпавший случай.

Иду, не клоня головы,
В бессрочном плену несвободы
По космам прибитой травы
Под вытравленным небосводом.

ОСЕНЬ

Я вышел на улицу и увидел:
Голуби бродят по карнизу и топорщат перья,
Лошадь идет в упряжке,
И сегодня видно её дыхание —
Лёгкий пар из ноздрей.
Она фыркает, поворачивает голову
В мою сторону.
У неё умные чёрные глаза.
Сосед Константин протягивает с телеги
Гроздь спелой калины, прихваченной морозом.
Я раздавил во рту ягоду —
Сладкая горечь —
Выплюнул косточку-сердце.
И неведомо откуда накатила тоска.
Это пройдет. Скоро пройдет, я знаю.
Потому что это не первая в жизни осень.

* * *

Валерию Петрачкову

Вот так бывает, что ни одна
Струна в душе не поёт.
Жизнь не уходит, просто она
Быть милой перестаёт.

И потому я помню о тех
Днях, когда город в дожде,
И запахи булочных и аптек
Острее, чем в ясный день.

В подслеповатом кафе за углом
Прямо домашний уют,
Хлещет за отпотевшим стеклом,
А здесь по маленькой пьют.

Тихие речи. Негромкий смех.
Все тут — почти родня,
И если тепла хватает на всех,
Достанет и на меня.

И не считая минут и часов,
Глаза в окно обратив,
Я слышу в нестройности голосов
Какой-то общий мотив.

Стихает ливень. Ну что же, я
Пожалуй, продолжу путь.
Блестит булыжник, как чешуя
Дракона, что лёг вздремнуть.

А на исходе такого дня
Славно топить печь.
И беглые блики печного огня
На тёмной стене стеречь.

Как же дороги мне они,
Как дорог свой уголок.
И кажется мне, что такие дни
Любил Александр Блок.

ТРАМВАЙ

Проходил я дворами, облаян,
Но обласкан прохладой и тьмой,
Со старинных дощатых окраин
К общежитию, то есть, домой.

Этот город меня беспокоил,
И дарили озноб и азарт
Кольца древних ворот под рукою,
Его старый кирпичный базар.

Этот город не с первого взгляда
Открывает свои тайники,
Я бродил его Лагерным садом
Над обрывом Томи – реки

И такую же верной приметой,
Как деревья, дома и трава,
Стал мне в жизни студенческой этой
Трехкопеечный томский трамвай.

Щедро белые вспышки роняя,
Проходил он, гремя и звеня,
Блики окон летели в меня,
И я долго стоял, невменяем.

А в большую суровую зиму
Были окна в морозном плену,
В этом холоде невообразимом
Я садился к нему окну.

И, пускаясь в положенный путь,
Постигал я науку трамвая:
Так, дыханьем стекло согревая,
И продышишься в мир как-нибудь.

* * *

...И, блуждая далёким путём, возвратиться
В дом, милее которого нет.
Этот всплеск за окном! Но увидишь не птицу,
А встревоженный крыльями свет.

Уведённый во мрак рукотворного ада
Петроградской командой ЧК,
Гумилёв, вспоминают, читал «Илиаду»
До того рокового щелчка.

Я гляжу, как незримым потоком струится,
Обнимая меня, тишина.
А ему не дано, не дано возвратиться
И закрыть «Илиаду», и сесть у окна,

И следить, как сгущается в сумерки время,
И увидеть в положенный час:
Наугад и на ощупь уходят деревья,
Пропадая из глаз.

* * *

Ничего от меня не останется.
Да и ладно. Довольно того:
Было жизни знобящее таинство,
Повседневное волшебство.

Были ягоды крупными, сладкими.
Дни сияли. Лежал на ветру
Том стихов с твоими закладками,
Крепко пахло смолой в бору.

Снег вечерний, вода-полуночица,
Золотые мои облака.
Было собственным одиночеством,
Всё другое я брал напрокат.

Жизни суетное ристалище
Залучило не навсегда,
И все ближе душе блистающий
Синий свод, трава и вода.

Да и старые фотокарточки
Я уже не смотрю почти...
Пионерские галстуки, фартучки,
Подшивные воротнички.

* * *

С мороза мама в дом вошла,
Клубился пар трубой.
Пододеяльник принесла
В горошек голубой.

Отгладила и подала
И, утюгом согрет,
Он стал хранителем тепла
На много-много лет.

Давно уже и мамы нет,
Но, потерявши вид,
Он иногда послужит мне,
И память оживит

Клочок картона, что едва
Пристрочен к ткани был.
Я даже прочитал слова
И тут же их забыл.

Но не забыл. И не пойму
Я в меру сил моих:
Зачем ты, память, почему
Мне сохранила их?

Уж столько лет тому назад,
Осталось навсегда:
«Целиноградский комбинат
Надомного труда».

* * *

Спать бы надо, да сон не берёт.
Вся округа заходится лаем.
Сна и отдыха знать не желая,
Сотня псов свои глотки дерёт.

И ни зги. И всё небо в снегу,
Он летит широко, бестолково.
Полюбуюсь с крыльца, право слово.
На роскошную эту пургу.

Ну, собаки! У них решено
Всю вселенную нынче облаять...
Так шумела когда-то облава
В старом, польском, как помню, кино.

* * *

Дворы тополиные,
Жаль вас покинуть.
Пусть жизнь будет длинной,
Как песня акына.

Простой и великой,
Смешной и печальной,
Под пух этот липкий,
Под звон величальный,

Под маты и плачи,
Под грозы и вьюги,
Под холод собачий,
Под шёпот подруги.

Глаза бы глядели,
Вбирая детали,
А ветки гудели,
А птицы летали.

И, верно, могла бы
Судьба быть такая:
Текла и текла бы,
Не истекая.

* * *

Этот пёс у забора поднимет глаза и опустит,
И на лапы положит усталую голову так,
Что покажется он обречённым хранителем грусти,
И заплещется в сердце неведомая маета.

Боже мой, не хватало ещё и заплакать.
Но и правда, откуда, откуда такая тоска?
И лежит неподвижно, глаза опустивши, собака,
Опасаясь глухую глубинную грусть расплескать.

* * *

Встретил ее случайно
В городе у вокзала.
— Здравствуй, — сказал я, — Валя.
— Здравствуй, — она сказала.
Сколько лет отлетело,
Сколько зим накатило.
Что ты глядишь так странно?
Что с тобой, Валентина?
Эти глаза, я помню,
Вовсе не так смотрели
Там, на краю деревни,
Там, на краю апреля.
Возле речной запруды
Глухо вода шумела,
И она целовала
Жадно, да неумело.
Там, на краю деревни,
Встречи мы назначали
Черными и холодными
Праздничными ночами.
Я с той поры там не был...
Боже, не оттого ли
В этих глазах, похоже,
Тлеют искорки боли.
Ну, конечно, конечно,
В этом-то все и дело:
Ты прижималась к сердцу,
Я обнимал тело.

* * *

Мир, напитанный стужей, гудит за стеной.
Поднимусь неуклюжий, разбитый, больной.
И от дрожи в коленях, от бессонницы злой
Разложу я поленья над старой золой.

Погоди, говорю я себе, горевать.
Запоют в моей печи сухие дрова.
У огня я смогу колотун одолеть.
Отпусти ты меня, не хватало болеть!

Но однако хвороба достала меня.
Прямо скажем, хреново, пусть и у огня.
За моей неуклюжей, тяжелой спиной
Мир, напитанный стужей, тяжелый, больной.

СТИХИ
с эпитафией из Пушкина

*Ну, барин, — закричал ямщик,
— беда: буран!*

*«Капитанская дочка», гл. 2.
Вожатый.*

Этот пьяный старик,
Борода лопатой,
В снегопаде возник
Будто тот вожатый.

Он в ослепшей степи
Вынырнул незвано,
Чтоб кибитку спасти
В мареве бурана.

Вспоминается тот
Ну совсем не к слову,
Этот горькую пьёт,
Смотрит бестолково.

Благодарным, как тот,
Этот не бывает,
И что в долг он берёт,
Сразу забывает.

И бурчит, и кривит
Он слюнявый рот свой,
Удручающий вид,
Чуждый благородства.

Но откуда тогда
Пушкинский вожатый?
Впрочем, да — борода,
Борода лопатой.

ВЕСНА

Только небо вздохнёт, и опять по теченью
Льды достойно пойдут по высокой реке.
Ты такая, какой написал Боттичелли,
С зацветающей веткой в руке.

Каждый лист этой ветви разбужен, раскручен.
Помнишь время закатное, время, когда
Расступалась под ржавые всхлипы уключин
Золотая, литая вода.

Для свободы и радости надо немного:
Это голос родной, подкреплённый струной,
Это перетекание света дневного
В океан беспредельный, ночной.

Это третья багажная полка вагона,
Прикасание губ, рассыпанье волос,
Это в древней деревне стакан самогона
За счастливый, немаетный сенокос.

Всё проходит — и трепет, и хрупкость, и талость.
Истончается звук, огрубляется свет.
Всё проходит. Но ты вот взяла и осталась,
И в руке твоей свежая ветвь.

* * *

Что с тобой происходит, не ведаешь сам,
Но глядишь с незнакомой отрадой,
Как рассеялся свет, как сквозят небеса
За решёткою Летнего сада.

И сидишь, и не можешь подняться никак,
Понимая, что нет, не от лени.
Да и ладно. Оставь. И не надо вникать.
Это то, что зовут — утоленье.

* * *

Владимиру Костину

Там, на пороге октября,
В лесу полураздетом,
Стоит вечерняя заря,
Горит последним светом.

И я хотел бы сохранить
От мороси противной
Сиротский лес и эту нить
Белёсой паутины.

И свет немислимый спасти
С круженьем тонких игл,
Совсем с собою унести,
Как лист упрятать в книгу.

И в непогоду одному
Открыть ее страницы,
И пусть в темнеющем дому
Тот свет распространится.

И в комнате моей пустой,
Где тишина густая,
Я этот год пережитой
Возьму, перелистаю.

Там анекдоты с бородой,
Но рядом с ними были
Настил, от инея седой,
Протяжный ветер над водой,
Тепло дорожной пыли.

Светилась в сумраке луной
Пропитанная штора,
Расчёской для травы ночной
Ложилась тень забора.

И жизнь желанная текла,
И были как родные
И все небесные тела
И все тела земные.

* * *

Много горечи скрыто в слове,
И свободы, и торжества...
Говорили о Гумилёве —
Он умел чеканить слова!

Он изыскан и своеволен,
И в своем мастерстве — Левша,
Но когда за границу боли
Перейдёт, отважась, душа

Там уже игра роковая —
Велико веление слов,
Потому что и кровь — живая,
И — рискованное ремесло.

Оттого российская Муза
И сжигает таких дотла.
Про её смертельные узы
Помолчим. Глухие дела.

Поглядим, как дивной лавиной
Словно из циркового мешка
Бесконечны, неуловимы
Облака идут, облака.

* * *

А ведь Хлебников прав был, рукою маша,
прекращая читать, говоря «И так далее...».
Видно, всем этим переболела душа,
и свободна была от любви и печали.
Холодна и свободна. Наверно, чиста,
но ведь что-то при этом она потеряла.
И томит, и гнетёт, и болит пустота
с освоением, как бы сказать, матерьяла.

* * *

О, Золотой Алтай, поднимай
к небу горы свои!
Беловолосой богине Умай
эти слова мои.

Пусть даже Смерти не одолеть,
не опускай рук.
Этой белой молнии плеть!
Бубна сухой стук!

Тёплая ночь стоит у дверей,
и в сегодняшний сон
входят тени богатырей
и колокольцев звон.

Как вырастали передо мной
с пробужденья, с утра,
вы, связавшие Небо с Землёй,
Дерево и Гора.

Чудную силу алтайских дней
я хочу сохранить:
чем поддержка природы сильнее,
тем надёжнее нить.

* * *

Почему бы не крикнуть тогда:
погоди, удержи мою руку?!
Я был глуп, ты, понятно, горда,
и не знали мы жизни науку.

Всё казалось: я где-то в пути,
я ищу. Но сегодня я вижу:
то, чего мне нигде не найти,
было рядом, и некуда ближе.

Дорога ты была для меня,
цену жизни земной умножала,
чуть не сферу держа и храня...
.....
только руку не удержала.

* * *

Плескали в бессонной моей голове
хореи и ямбы,
и шли мы по сочной июньской траве
до глинистой дамбы.
За нею уже начиналась река,
дышала прохлада,
и, как полагается, — да, облака
летели, как надо.
И звуки, и запахи, и тишина
прекрасного лета
до капельки выпиты были, до дна
и канули в Лету.
Сегодня — как будто ещё наяву —
гляжу я подолгу
на воду и берег, на эту траву.
Да толку-то, толку...

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ

Яркий, почти на пределе,
обморочный поток.
Разве вправду бывает
свет дневной так жесток?

О, нестерпимо белый,
невыносимый свет.
Видно, таким через линзы
жѐг корабли Архимед.

И – неостановимо
за слезою слеза.
Сестра снимает повязку,
освобождая глаза.

* * *

Да, бессмертнее нет их
ни в каких шамбалах —
этих баб кабинетных
при столах и делах.

Нет, они не помогут,
но в минуту зато
доказать тебе смогут:
ты никто и ничто.

Измощён, изувечен,
но живой, не прибит.
...Приближается вечер —
исцелитель обид.

Он прохладой и мраком
остужает лицо.
Говоря с Пастернаком,
выхожу на крыльцо.

И стою я при звёздах,
недобитый эстет,
где дарованный воздух
и неотнятый свет.

* * *

Фотографии в школьном альбоме,
Подростковые игры с вином.
Кто недавно прошел за окном,
Скоро, скоро появится в доме.

Но уже откликаются эхом
Зовы жизни в открытой душе.
— Ты приехал? — Да вроде приехал,
Но куда-то собрался уже.

— Да куда же? — А кто его знает!
Но однажды большая страна —
Луговая, речная, лесная —
Встанет в раму родного окна.

И захочется детского смеха
Невостребованной душе.
— Ты приехал? — Я точно приехал,
И теперь не уеду уже.

* * *

И они не померкли,
Всё они так же яркие —
белые фейерверки,
эти Божьи подарки,
эти гроздья сирени
мраморные, но живые,
будто стихотворенья,
сложенные впервые.

Это, эти, другие...
Лето, твоя летаргия
длится. И вот я тоже
пленник летнего света
и на собственной коже
переживаю это.

Но посреди лета,
засыпая, уронишь
книгу того поэта,
где за рифмой «Воронеж»

столько колымской стужи,
что вопреки зною,
сбранному снаружи,
это во мне, со мною.

Да, конечно, я знаю:
жизнь неисповедима,
но из дневного сна я
возвращусь невредимым.

Все обиды никчёмны,
Быть бы живым и целым
С хлебом простым чёрным
и молоком белым.

Вопрошать неприлично,
что там нас ждёт завтра.
... И сирень, как обычно,
зацветает внезапно.

* * *

И занавеска, белая от страха,
Во власти смутных полуночных слухов
То хлопала отрывисто и сухо,
То надувалась ветром, как рубаха.

И так всю ночь — и мрак, и дождь, и ветер —
Терзали эту душу без пощады
И провели кругами всеми ада,
И выпустили только на рассвете.

Измученно обвисла занавеска,
А за окном плывут, не зная бури,
Два облака в языческой лазури,
Два облака — Паоло и Франческа.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Я любил городские прогулки,
Но не улицы, а переулки,
Что душевной беседе нужны,
Воскресенского взвоза брусчатку,
И старинную точную кладку
Вдоль обрыва идущей стены.

Тот же Томск, но по вещему слову
Все бывшее не сбудется снова,
Не сойдёмся, не свидимся в нём.
Отменяются все наши встречи,
И сегодня могу я у печи
Посидеть впереглядки с огнём.

Мы как будто молчим. Но при этом
Хорошо бессловесным дуэтом
Скрасить сумеречные часы.
Поутру задувает за ворот,
В ожиданье автобуса в город
«Yesterday» помурлычешь в усы.

Приезжаю в 11.30.
Всё тип-топ, как сейчас говорится,
А с проспекта сверну — маета.
Что же делать, своих убывает.
Привыкай, это с каждым бывает...
Но места, понимаешь, места...

* * *

Возьмёт автобус на углу,
А там, по холодку,
К реке, закутанной во мглу,
В осеннюю тоску.

В плену тумана и тоски
Сидят крановщики.

Смолят «Дымок» и «Беломор».
Плывёт ленивый дым,
Как их ленивый разговор
Про деньги и труды.

Я тоже не упал с Луны,
И деньги мне нужны.

И надо чёрт-те где служить,
И вот сегодня в срок
Мне надо было бы сложить
И выдать сотню строк,

Как трудится осенний порт,
Своим значеньем горд.

Но как-то мелко, мужики,
Базарить про дела,
Когда надвинулась с реки
Величественно мгла,

Как в дни творения, когда
Делились твердь, вода.

Сейчас бы говорить о том,
Зачем нам жизнь дана,
Чтоб из тумана встал Платон
С бутылкою вина.

И — к нам: «Позвольте, посижу,
Послушаю, скажу».

* * *

Эти, на солнце горящие льдины,
В праздник нечаянный кто обратил?
Неповторимые все до единой,
Кто их так вырезал, позолотил?

Боже, спасибо, что мне удастся
Все, что Тобою даруемо, брать.
Пусть словно рамка в руках лозоходца,
Сердце в груди продолжает играть.

И, может быть, я один из немногих,
Кто увидал на крутом берегу:
Не тополя, а разбитые ноги
Старых слонов, что увязли в снегу.

ЗАКРЫВ СЕНЕКУ

Над головою ходики стучат.
О, пошлости про время — ну их к чёрту!
Давай считать слонов или зайчат,
но нет — не поддаются пересчёту.
А может быть, не спать пора уже
и ночью нескончаемой и тёмной
о жизни думать, о своей душе
по-настоящему не обретённой.
Смешно просить: о, жизнь, повремени,
ты, вспомни, торопил её когда-то.
Они, твои единственные дни,
ни в чём перед тобой не виноваты.
Но стала льдом текучая вода,
и пеплом — ослепительное пламя.
И скоро мы отправимся туда,
куда ушли оплаканные нами.

* * *

— Со мной только так и бывает, —
привычно уже говорила
Ахматова Анна Андреевна
о том, что выпало ей.
Не плакалась, не возносилась
в гордыне княжной опальной,
спокойно шла по этапу
нелёгкой судьбы своей.

О смерти её сообщили,
что называется, скромно.
Я был поселковый школьник,
мне было шестнадцать лет.
Ахматову не читал я,
но Валентина Ивановна —
любимый учитель — сказала,
что умер большой поэт.

И вскоре узнал я строки,
что сразу стали своими,
а годы спустя открылись
и дни её и дела.
И стало ясно, что можно
прожить свою жизнь достойно
и в самое подлое время.
Она ведь смогла? Смогла.

* * *

Вьюжило и моросило,
Заметало и плескало,
Гипнотическая сила
Никуда не отпускала.

Кем бы там ни показаться:
Только — близко, только — рядом.
Видеть, слышать, прикасаться,
Если не рукою — взглядом.

Умные мне сострадали:
Отлепись ты, бога ради.
Да идите вы подале,
Я не уступлю ни пяди.

Кто чудесный жар остудит,
Что в груди моей пылает?
Разве те, кто здраво судит,
Лучше всех про это знают?

СТИХИ ГЛЕБУ

И кружится, трепещет капустаница,
всё никак не опустится.

Зато, гляди, цветной мотылёк
всё порхал, а теперь прилёт,
крылья сложив.

Долго ли, коротко лето продлится,
но не вечно золоту литься,
и как задышит октябрь в затылок,
едва ли кто из этих двукрылок
останется жив.

Но не будет в мире смятения.

Новое, снежное будет цветение,
и постучится в наше окно
ветер в белом своём кимоно.

— Глеб, — я скажу, —

слышишь, кто к нам сегодня стучится?

Видишь, на ветке смелая птица?

Дай мне твою неокрепшую руку,
двинем с тобою по свету, по звуку,
сколько смогу — провожу.

2007

* * *

Та же земля за окном,
Но под покровом снега
Спит бестрепетным сном,
Как до весны телега.
Так же спят до тепла
И лопата, и грабли...
Плохи мои дела —
Ноги мои озябли,
И утомляет глаз
Свет непомерно белый,
Хоть бы скорей погас,
Но тут, что хочешь, делай,
А не приблизишь срок,
Пусть ты сто раз учёный,
Переступить порог —
Белое сделать чёрным.
Мне по душе чернота,
Та, в которой рождается
Зелень травы и листа
В духе лучших традиций.
Собственно, белизна
И не так уж сурова —
Символ кроткого сна,
Ангельского покрывала.

Что остаётся? Ждать
Марта, когда он станет
Жёстким, будто наждак,
Мая, когда он канет
В Лету. Когда черна
Станет земля родная,
Лучшие времена
Сразу напоминая.

* * *

Глядишь зачарованно, руки
За голову заложив,
Согласно канонам науки
И даже религии: жив.
Не только в физическом плане,
Не только в предметном плену,
Но даже высокое пламя
Озвучит порой тишину.
И кажутся звёзды яснее,
Родней и теплей небосвод...
О, жизнь, так повязан я с нею,
Что даже не думал. А — вот.

**ВРЕМЯ
НЕ ОТБРАСЫВАЕТ
ТЕНИ**

* * *

Вот в листве возникло ликование.
Это ветер, и устроил он
то сумбурное чередование
глянцевых и матовых сторон.

Пламенная птичья перекличка,
облаков летучая гряда...
Обретая к бытию привычку,
помню, что я здесь не навсегда.

Чувствую, что явно кто-то рядом.
но никак его не распознать,
не позвать ни голосом, ни взглядом,
разобидевшись, не отогнать.

В шевеленье и переплетенье
листьев, веток, солнца и дождя,
время не отбрасывает тени,
об руку со мною проходя.

* * *

Все трамваи идут в парк.
Но терпеливы мы.
Из колодцев струится пар
Как дыханье зимы.

Эти глупости, друг мой, брось,
Что нам стоять да ждать
Вот и шарф твой уже оброс,
В куржаке борода.

Не надейся и не гадай,
Не прикидывай срок.
Он уже не придёт никогда.
Ну его. Я продрог.

Замерцал фонарь: нищета,
Что за убогий свет.
Если честно сказать, считай —
Нам спасения нет.

Слушай, тут навеки уснёшь,
Припорошён снежком.
Нет уж, хватит, друг мой, хорош.
Давай-ка рванём пешком!

* * *

Ну не то чтобы прямо с рожденья,
но однако же очень давно
повторяется это виденье,
и никак не оставит оно.

Там река омывает остров.
Вижу я на острове том
низкорослые крепкие сосны,
и с открытыми окнами дом,

и звучат там Шопен или Шуман
и соперничают они
с переплеском и хвойным шумом,
что фантазиям их сродни.

Золотое видение это
помогает достойно жить,
надо память звука и света
на весенний лад положить.

По-хорошему, каждый день я
это должен припоминать:
жизнь задумана как восхождение,
а не так себе променад.

* * *

Сломаться, зануть,
провалиться на месте —
для этих ханыг
не много ли чести!

Стряхну эту гнусь
Как в давние годы,
А ну — окунусь
В студёные воды!

И я донырну,
сумею, быть может,
На ту глубину,
где ил не тревожат.

И — махом наверх.
В последнем усилье
взлетаю как стерх,
раскинувши крылья.

Пылает ожог
вскипевшей аорты.
Но этот прыжок
поднимет из мёртвых!

* * *

...Но изысканных здравниц уже не родится
в поседевшей моей голове,
лишь спасибо дремотному воздуху, птицам,
свету, облаку и синеве.

Мир был юным и неразделимым вначале.
Не забылось почти ничего:
собираю я силой любви и печали
воедино приметы его.

И пока мне даруется больше, чем надо
шума ветра и воли небес,
я укрыт с головою твоим листопадом
лес мой ласковый, вечный мой лес.

* * *

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?
Фёдор Тютчев

Я жду. Помаленьку включается звук
и возвращается свет,
и вот из вполне достоверных рук
приходит ответ.
И светит, как лампочка в шестьдесят
любимых в России ватт.

Невнятно и зыбко, как сквозь стекло,
туманное, как слюда:
ничто не проходит, ничто не прошло,
пребудет всегда.

И мне предстоит оставить следы
На ткани речной воды.

* * *

Лист на ветру лопочет, и не понять о чём,
но в преддверии ночи пылко и горячо.

Вот уже свет стекает как по лицу вода,
наверху затихают облачные стада.

И чернее деревья в позднем свете зари.
Это самое время слушать и говорить.

* * *

Что же: я не рыбак, не грибник,
Не ловлю я и не собираю.
Лист к ногам ненароком приник
Вот и рад я и счастлив без краю.

Не срезаю, не рву, не ловлю.
Созерцатель, верней — соглядатай,
Бескорыстно природу люблю.
Я и так от неё как поддатый.

* * *

Сошли на нет мои дороги,
и ненаписанные строки
печально машут мне: прощай.
Ровесников пути и судьбы
предрешены уже по сути —
всех приютит известный край.

Пью чай, а то и водку. Бреюсь.
Всё так: *ars longa, vita brevis*, —
как римский говорил народ.
Нежны весной, потом шершавы
и листья, и лесные травы —
всё так, а не наоборот.

Дожди, метели и бураны,
и ближний лес и дальни страны —
всё это не приснилось мне.
Да — *vita brevis*. Но — *ars longa*.
Хлеб чёрный. Свежий лук. Солонка.
И в жизни и на полотне.

* * *

Я рождён при высокой активности Солнца,
потому и болезненно переживаю
земное эхо солнечных бурь.
Потому несчастному метеопату
нарушают мерный ток крови
колебанья магнитного поля Земли.

Хорошо ещё, что живу не в городе,
где тяжёлыми ионами воздух
перенасыщен, где трудно дышать,
где в самое чёрное межсезонье
возрастает число несчастных случаев
и даже внезапных смертей.

Говорят, с годами эта зависимость
от природного непостоянства
станет меньше. Но, может быть,
в минуты гелиовозмущений
надо вспомнить себя малой, ничтожной
и всё же частицей Мира.

И тихо этим гордиться.

* * *

*День серый от неба и до земли
пришёл и стал.*

Из дневника М. Пришвина

И здесь вот, у посёлка на краю,
Остановлюсь и просто постою,
На реку глядя, на поля за ней.
Они пусты уже немало дней,
Они уже готовы к холодам.
Снег повалил, и чёрная вода
Бесследно поглощает этот снег.
Но берег убелён. Вернее, брег.
Скажи, скажи мне, свет моих очей,
Всё это мне оставлено зачем?
Скажи зачем, когда я не могу
Сейчас стоять на этом берегу
Среди сердечных, дорогих людей?
Они уже не здесь, они — нигде.
Не скажешь, так подай какой-то знак,
Пока поля обхватывает мрак.
Мне не понять, зачем они ушли.
И серый день от неба до земли.

* * *

Всё вокруг — красота и мечта.
И чего нам ещё пожелать?
И трава зелена и густа,
и опрятна озёрная гладь.
Ляг на эту льняную траву
и закрой дорогие глаза,
их прекрасную синеву
мне словами не рассказать.
Ибо дни наши так коротки,
как последнее лето вдвоём,
как прохладного ветра глотки,
что пока ещё вместе пьём.

* * *

Помнишь детство, озеро, сиянье,
Редких облаков воздушный облик?
Помнишь: выйдя из воды, рубашкой
Промокнешь лицо своё и сразу,
Сразу одуреешь от восторга —
Запах солнца и ещё чего-то,
Что никак назвать не можешь словом.
Столько лет прошло, а всё не можешь.
Как досадно! Но твоя досада
Скоро отступает, потому что
Помнятся трава, вода, деревья,
Лето, и пропитанная солнцем,
Счастьем напоённая рубаха.

* * *

Стало скромней и строже,
стало тише и суше,
и на листы похоже
старой китайской туши.

Там, где память о лете
росчерком точным, смелым,
отменив многоцветье,
станет чёрной на белом.

ПОЛНОЧНАЯ МАРШРУТКА

Клочья мрака и вони,
Табака и сивухи.
В тусклом свете, в салоне
Голосок молодухи:
«Это кто мене звонит?».

Эта близость народу
Мне уже надоела
Как дурная погода,
Как никчёмное дело.
Всё одно год от году...

Эй, не слишком ли строго?
Принимай без обиды
И такую дорогу
И такую планиду.
Всё нормально, ей-богу.

* * *

Не повторится чудо —
Всё пепел, зола и прах.
Но я опять о кострах,
Я их никогда не забуду.

Там пламя как рыжий зверь
Ласкалось. Играло с нами
Ручное рыжее пламя...
И где это всё теперь?

Всё пепел, тлен и зола.
Однако скажи на милость,
Была эта жизнь? Была,
Она и не завершилась.

И дивный твой голос, Лиза,
Из давнего, дальнего сна
Мне и сегодня — близок.
Спой, что душа полна

Счастьем каким-то новым.
И в том поддержат меня
Жар сучьев сухих сосновых,
И трепет, и россыпь огня.

Пускай за волной тепла,
За огненными столпами
Летит благодарно память.
Ничто ей тлен и зола!

* * *

Переулком с надсадой машина прошла.
И в окошке стекло дребезжало.
Просыпаешься: детство, и вдоволь тепла,
За душой — ни обид и ни жалоб.

Это август — покоя и света пора.
Как хотите, и впрямь — золотая.
Уводили меня далеко со двора
Облака, надо мной пролетая.

И, как в памятной песне, вдали за рекой
Шёл от этих щедрот обалделый...
Что же вправду ли был я когда-то такой?
Да, как помнится, был. Было дело.

* * *

Ветер дул за окном. В этом шуме
Я уснул утомлённый, смурной.
И увидел: я, кажется, умер,
И заходят проститься со мной.

По-приятельски и по-соседски...
Но всегда среди добрых людей
Обнаружится как бы простецкий
Записной доброхот-лицедей.

Ах, как строй его речи возвышен.
Неужель это мне одному?
И приличные люди — я слышу —
Неуверенно вторят ему:

Был внимательным, добрым и умным,
Сострадательным. И — понесли...
Я проснулся. Сказал, что не умер.
Что же: слёзы утёрли, ушли.

ПАМЯТИ ЮРЫ БОГДАНОВА

Я забрал твои книги, принёс их в свой дом,
ты, наверное, был бы за это.

И открыл этот синий потрёпанный том
старой «Библиотеки поэта».

И любимыми строками снова согрет,
я увидел, листая страницы,
серый пепел дешёвых твоих сигарет.
Пусть останется, пусть сохранится.

«Хорошо бы», — не стану себя торопить,
замолчу на такой полужфразе.

И твой голос продолжит: «собаку купить».
Вот мы снова с тобою на связи.

* * *

Вот, как хочешь, это свяжи —
тело ветшает, а чувства свежи.

Нет, не станешь вновь молодым,
но на морозе древесный дым,
посередине ясного дня
прямо по-детски дразнит меня.

С давней поры до сегодня огонь —
друг мой сердечный, друг дорогой.
и укрощенный, рабочий, печной
и некрещённый костёр расписной.

Светят созвездия, и надо мной
тёмные ветры проходят волной.
И переключка дворовых собак
одушевляет мерцающий мрак.

Спорить не надо, я знаю, что прав:
ласка листвы и привязчивость трав
так же со мною, как в дивные дни,
где мы всему изначально сродни.

Ну вот, как хочешь, это свяжи —
годы уходят, а чувства свежи.

* * *

Вы уплыли в далёкие дали,
вы забыли меня, облака,
не позвали и не подождали,
да и я не собрался пока.

Но во сне я летаю, бесплотен,
мне даны и поля, и холмы,
и дороги с любимых полотен,
и слепящая прелесть зимы.

Там оснеженная Галатея
поразвесила тонкую вязь,
что на солнце блестит, золотея,
осыпается, серебрясь.

ПАМЯТИ ВИКТОРА КОРОЛЁВА

Эта скрипочка знала дело,
Безупречно играла власть,
Уводила, куда хотела,
Взяв над сердцем полную власть.

Знаю: музыка та живая
Возвратит в родные края,
Даже если одолевает
Притяжение небытия.

Красоты не должно быть много
В недосказанности земной.
Но в незримом пути до Бога,
Скрипка, скрипочка, будь со мной.

* * *

Снег соскальзывал сверху
лёгкой лентою в руки.
Это память о снеге,
о серебряном звуке.

В наступившем предзимье
ты его и услышишь.
Он слетает не с неба —
с оцинкованной крыши.

Не напет и не сыгран,
а рождён тишиною...
Хорошо бы Тарковский*
постоял здесь со мною.

Он, мне кажется, точно
оценил бы такое
утешение духа,
исполненье покоя.

*Андрей Тарковский (1932 — 1986) — режиссёр,
в фильмах которого много странных,
таинственных звуков.

* * *

Мы тебе особый путь назначим.
Будешь ты велик и безымян,
различая зоркостью кошачьей
третий мир за зримыми двумя.

Будешь шагом лёгким и упругим
проходить другое бытие,
где уже не вспомнишь ни подруги,
ни слова, ни волосы её.

Неземного воздуха отведав,
что не сладок, но и не горчит,
ты и поражение от победы
там уже не сможешь отличить.

Чуть ли не застынешь истуканом
над пустым беспмятством воды,
понимая, что пришёл незваным
на пиры чужие и труды.

Но стоишь и молча отрываешь
листья, как листки календаря,
будто по-иному открываешь,
чем горит вечерняя заря,

что украли или же убрали,
как из партитуры лишний звук...
По незримой, призрачной спирали,
как по воздуху, идёт паук.

* * *

Ветер гремит железом.
Это пришла она
После зимней аскезы:
Primavera — Весна.

Ах, как легко и просто
Сводит она с ума!
Видишь, какую россыпь
Звёзд открывает тьма!

* * *

Вот что сегодня вижу я: с годами
воспоминания становятся плотнее,
реальнее идущей рядом жизни.
Гляди-ка: звуки, запахи, цвета
приходят отовсюду. Вот из детства,
где сильная простуда с жаром, бредом, —
вкус мёда и малины. Там же запах
ментола или камфары. Скажи,

с чем бы сравнить? Ну, вот порой бывает,
под ложечкой как будто защекочет,
когда босыми бледными ногами
идёшь по свежевскопанной земле
уже прогретой, но ещё прохладной.

Учитель пения Елизавета
Владимировна после всех уроков,
присев за пианино, заиграла
так, для себя, какую-то вещицу,
пересыпая по клавиатуре
то звонкую, то хрупкую печаль.

И я остановился в коридоре
и слышу до сих пор, как этот старый
расстроенный навеки инструмент

старается помочь, как только может.
Так вот — он смог.
И я собрал немного
рассыпанных и беззащитных нот.

Всё память подберёт, я лишь не знаю,
зачем всё это мне сегодня нужно:
ну для каких душеполезных действий,
для выстраданных волеизъявлений?
Хотя я говорю, пожалуй, глупость.
Я умолкаю. Лучше помолчу.

* * *

И стала ты русской дриадой —
Бесплотной, незримой, увы.
Пошли мне привет и порадуй
Теперь переплеском листвы.

Не быть твоему повторенью.
Об этом стенать ни к чему.
Ночь тихая тлеет сиренью
И пепел роняет во тьму.

И думаю я, постигая
ночной этот райский покой:
родится любая другая,
но больше не будет такой.

А ты стала русской дриадой —
Бесплотной, незримой, увы.
Пошли мне привет и порадуй
Живым переплеском листвы.

* * *

Валерию Морозову

Всё смелее и всё проворнее
пожирает ветки огонь.
Помнишь: Игглс, «Отель Калифорния»,
звуки — в небо, дыму вдогон.

Все вещицы — любимые самые —
гонит старый магнитофон,
а леса мои, небеса мои
обступают со всех сторон.

Опуская ладони в Ладогу,
я хотел запомнить тогда
эту воду с вечной прохладою.
Светлой-светлой была вода.

И легко преклонял колени я
перед тайной вечной, большой.
«Мир как воля и представление» —
это сказано хорошо!

И не надо, скажу, в Манеж вести
или в Русский музей меня,
если сердце щемит от нежности
к уходящим отблескам дня.

А когда уже среди ночи встав,
буду долго глядеть из окна,
в этом опыте одиночества
в меру сил поможет луна.

* * *

В моём бревенчатом дому
трещат поленья,
и хорошо мне одному
предаться лени.

И хорошо мне у печи
внимать заветам:
таи, скрывайся и молчи
о том, и этом.

Но я, конечно, не один.
Со мною в дружбе
и саксофон, и клавесин,
и мрак снаружи.

Что снова день сошёл на нет,
Не забываю.
Да, мой отчерпывают свет —
он убывает.

Дрова подкидывая в печь,
я чую кожей,
как время продолжает течь,
застыть не может.

* * *

Канул приятель. С полгода где-то
Виделись издали, за квартал,
Как измятая ветром газета
Непонятно куда пролетал.

Может быть, переехал. Однако
Вдруг да и навсегда ушёл.
Ни привета тебе, ни знака...
Как-то тревожно, нехорошо.

ТЕТРАДЬ ТАЙГИ

1.

От многих лиц,
От суеты великой,
Вот к этим скалам у Казыр-реки,
Где наш костёр разбрасывает блики,
Как гениальные мазки.

Костёр-художник,
Он всегда в движении,
Он должен много видеть, много мочь.
Вот переплески красок, отраженье,
И снова поиск, снова кисти в ночь.

Ни на минуту он не затихает,
И чистый холст скалы терзает он.
Но и костры когда-то затухают.
И он уснул, и мы уходим в сон.

2.

У скал — деревья на плечах.
Вода прозрачно-зелена.
Зелёный свет насквозь, до дна.
Река — смородиновый чай.

Река бурлива и быстра.
Вода ледово-горяча.
Мы у реки, мы у костра .
Кипит смородиновый чай.

Река бежит. Минута. Час.
Уходит время как вода.
Жалеть? О чём? Спешить? Куда?
Мы пьем смородиновый чай.

* * *

Оле

Из «Огонька» страница:
Взгляд лукав и невинен.
Названо: «Кружевница».
Автор – Василий Тропинин.

Я, вырастая, встретил
За шитьём и узором
Ловкие руки эти,
Лёгкие эти взоры.

С простотою да лаской
Так вы доступны швали,
Но блистают атласы
И воздушны вуали.

Тонкой шёлковой нити
Необъяснимы чары,
Но это вы плените
Вермеера, Фрагонара.

Бедные ворожеи,
Сядут до полуночи,
Не разгибая шеи,
Не сберегая очи.

Что вам потом снится?
Море в кружевах пены?
Будьте благословенны,
Швеи и кружевницы.

* * *

Ну давай же, память, разматывай
Свиток свой, покажи дары —
Звуки джаза, стихи Ахматовой,
Снегопады, ночные костры.

Говорили, а больше слушали.
Всё вбиралось — страсть и покой —
«Молодыми, жемчужными душами»
(Скажем гоголевской строкой).

В меру мне отведённого времени
В тайны Божьего мира вникал.
Я оставлю благодарение
И подобие дневника

Этих дней добровольного узника.
Вот, смотрите, на этих листах
Нашей жизни странная музыка.
Или — выбранные места.

МУЗЫКА

Выйдешь и махнёшь рукой с порога
Дереву, товарищу, судьбе.
Ненасытными глазами трогай
Всё, что открывается тебе!

Благодарный обожатель жизни,
Заклинатель веры и любви,
Ты по гроб признателен отчизне
Даже за движение крови.

Некого винить, когда свободен
Будто реализм без берегов,
Остроумен, пьян и сумасброден,
Ни семьи, ни денег, ни долгов.

Устремляясь, как деревья, к свету,
Сразу мы заметить не смогли,
Мы потом почувствовали эту
Жуткую привязанность земли.

Беззаботным, молодым и сильным
О себе напомнила она
Пресловутым холодом могильным,
Идохнула музыки волна.

Музыки, которая звучала,
Накрывала, как ночная мгла,
Быть спасительной не обещала,
Но помочь, действительно, смогла.

Потому что тихий голос рока
Просто говорил из темноты,
Что тебе отмеренного срока
Может не хватить. Но если ты...

НОЧЬ

Однажды на исходе лета
Явилась странная тоска,
Когда любимая планета
Упрятывалась в облака.

Она в разрыве их сквозила
Как ускользящая суть
Того, что в этой жизни было
Не просто так — зачем-нибудь.

И в то же время, застревая
В тяжёлом облачном плену,
Она — сама полуживая —
Меня не отдавала сну.

Наполнен лунною тоскою
И совладая с ней едва,
В напрасных поисках покоя
Включал я лампу в головах.

Но хуже праздничных знакомых
Так доставали тяжело
Щелчки ослепших насекомых
В моё оконное стекло.

ВЕТЕР

Я, просыпаясь, слышу:
Шагом неверным, шалым
Вот по железной крыше
Наискось пробежал он.

И открываясь в белом
И беспощадном свете,
Что там помнится в целом?
Ветер.

Близкий всякой примете,
Ни на что не похожий,
Ветер на голой коже.
Ветер.

Нервен, зол и отвержен,
Никому не угоден,
И, как всегда, несдержан,
И навсегда свободен.

* * *

Со светом утренним звезда
Истает навсегда.
И набегут соблазны дня
И повлекут меня

Срывать пустую похвалу,
Нести и слушать чушь,
Там ждут трамваи на углу,
Там ветер пьёт из луж.

Пробить измызганный талон
И ехать по кольцу,
И улыбнуться сквозь стекло
Знакомому лицу,

И в магазине «Букинист»
Почистить стеллажи,
Там книги, свешиваясь вниз,
Пугают: придержи!

И там успеть, и там суметь,
И там помельтешить.
Но никому притом, заметь,
Не приоткрыть души.

Пустой итог такого дня
В отчаянье бросал.
Но кто же погонял меня?
Я это выбрал сам.

И, значит, некого винить.
Себя? Вот это да!
И норовят такие дни
Умножиться в года.

...Со светом утренним звезда
Истает без следа,
И набегут посланцы дня
Испытывать меня

* * *

Самую легкую дай мне рубашку,
Бабушка. Выйди со мной на крыльцо.
Как озаряет торжественным светом
В темных морщинах родное лицо.
Как я люблю это давнее лето,
Где георгины цвели нараспашку.

ПОЕЗД

Девушка в красном стоит у дороги.
Это — поэма? А может быть, драма?
Разве ответишь такие уроки
Ты средь вагонного шума и гама?

В этой сменяемости ежечасной
Лиц, голосов, полустанков и станций
Ищет душа насыщенья напрасно.
Пусть они едут. Сойди и останься.

* * *

Глотками не ладно,
И залпом — не то,
В рубахе прохладно,
И зябко в пальто.
И вроде стараюсь
Прокинуть напасть,
Но утро не в радость
И вечер не в масть.
Как стебель графита
У карандаша,
Суха и закрыта
Глухая душа.
Не хочет, не хочет
Дружиться со мной
И что-то бормочет
Невнятно, темно.
Однако полезно
Себя разгулять.
Пойду по осеннему
лесу
Петлять.
Не вышло, не вышло.
Ах, Боже ты мой,
И только одышку

Приносишь домой.
С душою в разладе,
Поехав с ума,
Сижу, в стену глядя,
Без света, впотьмах.
Не учен науке
Достойно прожить —
Ни взять себя в руки,
Ни рук наложить.

* * *

Ты скажешь: каждому свой лад,
я — твой единоведец.

Кому-то — горький шоколад,
кому-то — сладкий перец.

У всех — особенный уклад,
но с книгой жизни сверясь,
куплю я горький шоколад,
куплю и сладкий перец.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Ночью осень светлейшая снится,
и травой сухою шурша,
в намерении с миром слиться
в лес уходит моя душа.

* * *

Мы все повязаны суровой нитью,
Но каждый волен жить, как он хочет.
Где я иду почти по наитью,
Другому — путь прямой и короче.

* * *

О, жизнь, ты как угли в золе,
Что серым подёрнулись пеплом.
Но дунешь — и пламя окрепло.
И можется жить на земле.

* * *

И мороз завернул ой-ё-ёй!
Но опять пересилим авось.
Мы и сами горячей струёй
Прожигаем сугробы насквозь.

* * *

Вот возьму и пойду от вокзала,
Сумку закрепостив на плече,
Чтобы мне самому показалось,
Что чужой здесь, свободный, ничей...

* * *

Душа царила одиноко,
Возобладав над суетой.
Во власти светлого потока
Пыль становилась золотой.

РАССВЕТ

Пробует робко сначала одна —
Словно бы чиркают спичкой.
И тишина обожжена
Пламенным выплеском птичьим.

* * *

Я проснусь и глаза открою:
всадник-осень глянет в окно.
тихо свистнет и ветку тронет
и опять унесётся в ночь.

* * *

Знаю необычайное
полное просветление,
это, когда молчание —
музыка изумления.

* * *

Ты говорил устало мне,
что невезучий.
Но вот апрель в твоём окне —
счастливый случай!

* * *

Сегодня молодому человеку
чтобы поверил, как мне рассказать
про то, что было тридцать лет назад —
про очередь в библиотеку?
2015

* * *

И на всё, что ни есть, смотрел он
С неожиданными слезами.
Солнце ярче и боль острее —
Это дар или наказание?

ОКТАБРЬ

Александрю Кушнеру

Опять иду по тропам торным.
Оплетены листвою летом,
Сейчас кусты подобны чёрным
Кривым, уродливым скелетам.

Как ваши ветки засквозили!..
Теперь привычно и бесстрастно
Неумолимое предзимье
Умножит пустоту пространства.

И вот стою, дождавшись мрака,
Спиною к ветру неуклюже.
Пока не в холоде, однако
Уже приготавливаясь к стуже.

* * *

Люблю появленье сороки.
А лучше так двух или трёх.
Разыгрывают белобоки
Девический переполох.

Какие изящные птицы!
Гляжу я в окошко на них:
Когда бы перевоплотиться
В одну из чудесниц таких...

Придут неизбежные сроки.
И утром какого-то дня
Красавицы эти сороки
В сородичи примут меня.

* * *

Мрак прореживается. Пора
Встать и делать дела.
Но, понятно, не так, с утра,
Когда за окном мгла.

Помаленьку, не сгоряча...
Я зажигаю газ,
Жмурясь, потягиваю чай,
Близится мой час.

А светает. Уже дрова
Заждались колуна.
Но, скажу, и я хитрован,
И была мне нужна

Та погодка, что привела
На подмогу мороз:
Он сейчас раскалил добела
И сучок, и нарост.

Что могло предстать маетой,
Нынче – сущий пустяк.
Станет податливей самый витой,
Самый крутой чурбак.

Старый свитер, верхонки, пимы —
Вот и сборам конец,
И выхожу на арену зимы
Я — пожилой боец.

Впрочем, вышел не я один —
Эхо приносит звук:
Меня, неспешного, упредил
Некий проворный друг.

Мы, подобно этим дровам,
Так же прокалены.
И окликаются по дворам
Ярые колуны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬ ЛИСТВОЙ

В промытом небе — хлопья пены	6
Признавая во мне властелина	7
На сцене нашего клуба моя молодая мама.....	8
В позднем рассвете зимнем	9
Выстирал, прополоскал, повесил.....	11
Облака среди бела дня.....	12
Памяти Наташи	13
Назовём укрощением крови.....	14
Разные есть у лета цветы	16
Дымом ли в облака	17
У художника в полуподвале.....	19
Вода подо льдом	20
Пристань Нарым	21
Воспоминанье о костре	22
С дурным настроением мне уезжалось:	23
Прощание славянки	24
Ледок раскалывался с тонким звоном	25
Памяти пса Парамона	26
Горячим дыханьем КамАЗа	27
Пред нами, так сказать, земля.....	28
Россия	29
На улице зябко и ветрено	31
Из гуши света и тени	32
Я наклонился завязать шнурок	33
Сосновый посёлок мой снег засыпает и тьма,.....	34
Офорт	35
Осень	36
Вот так бывает, что ни одна	37
Трамвай	39
И, блуждая далёким путём, возвратиться	41
Ничего от меня не останется.	42
С мороза мама в дом вошла	43
Спать бы надо, да сон не берёт	44
Дворы тополиные	45
Этот пёс у забора поднимет глаза и опустит	46
Встретил ее случайно	47

Мир, напитанный стужей, гудит за стеной.....	48
Стихи с эпиграфом из Пушкина	49
Весна	51
Что с тобой происходит, не ведаешь сам	52
Там, на пороге октября	53
Много горечи скрыто в слове	55
А ведь Хлебников прав был, рукою маша	56
О, Золотой Алтай, поднимай	57
Почему бы не крикнуть тогда	58
Плескали в бессонной моей голове	59
После операции	60
Да, бессмертнее нет их.....	61
Фотографии в школьном альбоме,.....	62
И они не померкли,	63
И занавеска, белая от страха,.....	65
Памяти ушедших	66
Возьмёт автобус на углу,.....	67
Эти, на солнце горящие льдины,	69
Закрыв Сенеку	70
Со мной только так и бывает	71
Вьюжило и моросило,.....	72
Стихи Глебу	73
Та же земля за окном,	74
Глядишь зачарованно, руки	76

ВРЕМЯ НЕ ОТБРАСЫВАЕТ ТЕНИ

Вот в листве возникло ликование	78
Все трамваи идут в парк	79
Ну не то чтобы прямо с рожденья	80
Сломаться, занять,	81
Но изысканных здравниц уже не родится	82
Былое — было ли когда?	83
Лист на ветру лопочет, и не понять о чём	84
Что же: я не рыбак, не грибник	85
Сошли на нет мои дороги	86
Я рождён при высокой активности Солнца	87
И здесь вот, у посёлка на краю	88
Всё вокруг — красота и мечта	89
Помнишь детство, озеро, сиянье	90

Стало скромней и строже	91
Полночная маршрутка	92
Не повторится чудо	93
Переулком с надсадой машина прошла	94
Ветер дул за окном. В этом шуме	95
Памяти Юры Богданова	96
Вот, как хочешь, это свяжи	97
Вы уплыли в далёкие дали	98
Памяти Виктора Королёва	99
Снег соскальзывал сверху	100
Мы тебе особый путь назначим	101
Ветер гремит железом	102
Вот что сегодня вижу я: с годами	103
И стала ты русской дриадой	105
Всё смелее и всё проворнее	106
В моём бревенчатом доме	107
Канул приятель. С полгода где-то	108
Тетрадь тайги	109
Из «Огонька» страница	111
Ну давай же, память, разматывай	112
Музыка	113
Ночь	115
Ветер	116
Со светом утренним звезда	117
Самую легкую дай мне рубашку	119
Поезд	120
Глотками не ладно	121
Ты скажешь: каждому свой лад	123
Яетверостишия	124
Октябрь	127
Люблю появленье сороки	128
Мрак прореживается. Пора	129

